

18+

Светлана Местернёва

50 оттенков Серика

*Эротически-
юмористическое
издание*

Светлана Шестернёва

**50 оттенков Серика. Еротически-
юмористическое издание**

«Издательские решения»

Шестернёва С.

50 оттенков Серика. Еротически-юмористическое издание /
С. Шестернёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515141-4

Еротически-юмористическое издание (от слова «ЕР» — мужчина в высшем понимании слова (каз.). Все герои вымышленные. Но это не точно. Все совпадения случайны. Или нет.

ISBN 978-5-00-515141-4

© Шестернёва С.
© Издательские решения

Содержание

50	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

50 оттенков Серика

Еротически-юмористическое издание

Светлана Шестернёва

Редактор Ербол Жумагул

© Светлана Шестернёва, 2020

ISBN 978-5-0051-5141-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

50 ОТТЕНКОВ СЕРИКА

*Еротически-юмористическое издание

Все герои вымышленные. Но это не точно.

Все совпадения случайны. Или нет.

* от слова «ЕР» – мужчина в высшем понимании слова (каз.)

Источником вдохновения стала пандемия коронавируса.

С благодарностью посвящаю моему Хозяину, Господину, который не на словах показал мне прелесть и власть физической Любви.

* * * * *

От чего больше страдали люди обоего пола 9 марта, история умолчит навсегда. Быть может, от выпитого вина. Все ведь знают, что бабы любят пить. А может быть, от слов, которые, не подумав, были сказаны мужчинами 8 марта. Или просто потому, что на кладбище принято страдать.

Сауле страдала потому, что любила Ольгу, и это было горячо взаимно. Обычно всё происходило в коридоре; их офисы гнездились на одном этаже. И выглядело пафосно. В советском кино про такое говорили: высокие отношения.

– Саулеха! – звучным грудным голосом гудела крупная Ольга.

Сауле занималась балетом и не выносила больших и толстых баб. Но Ольга, на её выскательный взор, большой и толстой не была. А была крупной и роскошной.

– Ну, до чего ж ты шикарная! – продолжала Ольга, восхищенно оглядывая подругу, одетую в неизменные джинсы и майку-обдергайку. Имидж секс-бомбы закрепился за ней рано, лет в шестнадцать. В ту пору она весила ровно столько, сколько весила атомная бомба «Малыш».

– Все волосатики на базаре мои, – шутила Сауле, и шутки в том была крохотная доля. Разве что только безрукий не пытался ухватить Сауле за задницу. А таких на базаре не было. С ней также любили фотографироваться китайцы, приехавшие по своим барахольно-торговым делам.

А потом она похудела. Взяла сама себя за зад, сказала «хватит жрать». И пошла заниматься балетом. В новой кондиции Сауле скромно переименовала себя в «секс-символа». Отстали базарные кавказцы. Успокоились китайцы. Злобно завидовали подруги. И только Ольга – восхищалась.

– Ну, ты секси, Саулеха! – вопила она, раскидывая руки в стороны, словно собиралась упасть на матрас. На ней всегда было надето что-то невообразимо элегантно. Платье до середины щиколотки или в полную длину, брючный костюм – и непременно умопомрачительный гарнитур из натуральных камней. Сауле считала Ольгу образцом вкуса и женственности. Она тоже мечтала носить шпильки и камни в ушах и на шее. Но пока обходилась кроссовками и парой шпилек и камней за пазухой. Мечта не сбывалась даже наполовину. Зато целиком воплощалась в Ольге.

– Иди в жопу, – жизнерадостно кричала в ответ Сауле, бросаясь подруге на шею. – Мне никогда не стать такой как ты.

Главной темой спора обычно было то, кто из них красивей. Каждая утверждала, что прекраснее, конечно же, другая. Но каждый спор резюмировался одинаково:

– Была бы я мужиком, я бы тебя трахнула.

* * * * *

И вот Ольги больше нет. Уехала в отпуск на острова, съела в местном кабаке какого-то моллюска-аборигена. Отравилась и умерла.

Сауле ревела белугой, не стесняясь собравшихся. Ольга была крупной фигурой не только в прямом смысле, но и в переносном. Пришедшие проститься в целом напоминали оживший справочник «Кто есть кто». Сауле бросила в могилу последнюю горсть земли и поспешила прочь, вытирая пыльной ладонью сопли и потекшую тушь. Она никогда не красилась на траурные мероприятия. Но сегодня была уверена, что Ольга бы этого не одобрила.

– На, – Ирка, Ольгина коллега, протянула ей носовой платок и хрустальную рюмку водки. Точно такие же рюмки стояли в серванте у родителей Сауле. Элегантная роскошь. Ольга осталась верна себе даже в могиле.

В другой руке Ирка держала поднос с бутербродами.

– Не, – отмахнулась Сауле. – Я уж по нашему с ней евразийскому обычаю – кусочком казы.

Она подцепила с фарфоровой тарелки аппетитный кругляш, и быстрым глотком опрокинула в себя водку.

– «Смирнофф», – одобрительно крякнула она.

– Ого? – охнула Ирка.

– Ольгина любимая, – вздохнула Сауле и отошла.

Однако не отошла она еще от вчерашнего. Восьмое марта как праздник Сауле презирала всю осознанную жизнь. Это в безмятежном детстве можно умиляться возможности наряжаться в платьице, повязать банты и рассказывать маминим гостям стишок с табуретки. А будучи взрослой сюсюкать от восторга по поводу того, что тебя признали женщиной один день в году – удовольствие сомнительное. Обычно «Бабий день» Сауле не отмечала, но вчера примчалась в компанию друзей и коллег Ольги. Начали за упокой, и за него же и кончили. Кое-кто, как она, – слишком бурно.

Она походила туда-сюда, рассеянно кивая знакомым и пытаясь унять бешеный стук сердца. Потом вернулась к Ирке.

– Выпей еще, – Ирка погладила ее по плечу.

– Давай, – Сауле уже поднесла рюмку к губам, когда перед ней остановился незнакомый мужчина. Она бросила на него быстрый взгляд. Вроде бы они встречались раньше... Но где и когда?

– Ну, здравствуй, – произнес мужчина.

Сауле посмотрела внимательнее. Нет, она решительно не помнила его имени.

– Здравствуй, – вяло откликнулась она. – А ты кто?

О таких ситуациях писатели обычно пишут: этот неловкий момент. Позже Серик признавался ей, что этим вопросом она едва не убила его наповал.

* * * * *

Нет, Сауле, само собой, помнила этого типа. Он весьма умело руководил убитыми горем людьми в процессе прощания с Ольгой. В результате народ быстро и без суеты расселся по машинам. Тогда она и решила, что это представитель похоронной конторы. Однако, судя по лицу, которое вытянулось в ответ на ее вопрос, решила неправильно.

– Я – Серик.

Как это по-нашему, звучно шмыгнув носом, подумала Сауле. Ну, конечно! Кто его не знает. Мужчина с именем Серик – один в мире. Как Воланд. Кинь палку в окно – попадешь или в торговый центр, или в доктора наук. И каждый из них знает Серика.

Но вслух сказала:

– Понятно, – и ушла.

Серик, оказавшийся не работником похоронной службы, а поди знай кем, в трагический момент Сауле был не интересен и не нужен. Она рассеянно взяла яблоко, встала в стороне и, отрешенно глядя на толпу, попыталась отогнать мысль: жизнь больше не будет прежней...

– Сауле! – ее уединение никогда не бывало долгим. К ней снова подошла Ирка. Сауле вздохнула.

– Что?

– А ты разве не помнишь Серика?

– Из Чемолгана?

– Почему из Чемолгана? – искренне удивилась Ирка, и Сауле вздохнула вторично.

Люди, не сведущие даже в таких бородатых анекдотах, ее всегда расстраивали.

– Это такой анекдотический персонаж. Его знали все на свете, включая Папу Римского. Кроме одного казахского мента, который упал в обморок в Ватикане. Когда стоящий рядом негр кивнул в сторону понтифика и поинтересовался: «А кто это рядом с Сериком?»

Ирка хрюкнула в кулак и добавила:

– Нет, он не из Чемолгана.

Рукалицо, подумала Сауле. Пришлось вступить в игру.

– А откуда?

– Он из Алматы. Правда, сейчас он вроде бы переехал, – пустилась в подробности Ольгина коллега. Сауле прикусила себе язык, чтобы не уточнять, кого именно сейчас переехал Серик.

Она впила ногти в ладони, чтобы не завывать от досады. Даже если этот Серик из Чемолгана. Даже если это Тот Самый Серик из Чемолгана. Даже если это тот самый негр, который не знал, кто это рядом с Сериком. Похороны – это самое последнее место, которое подходит для обсуждения данных обстоятельств. Сауле пристально посмотрела на Ирку и решила больше не сдерживаться.

– Живут же люди. Без мозгов. Целыми поколениями.

– В смысле? – захлопала глазами Ирка, став похожей на расстроенную сову.

– Без всякого смысла. И в это всю соль и боль казахского народа. Поехали на поминки.

Сауле повернулась и пошла с кладбища прочь. У нее была аллергия на тупых людей. А ведь могла быть и на спиртное.

* * * * *

Бог создал Серика породистым. Да, именно это явно проглядывалось в его облике. Но все впечатление портили очень маленькие глаза и невысокий рост. С одной стороны он был прекрасен. А с другой стороны у него было лицо. Если бы стояла задача подобрать ему аналог в мире животных, лучше всего подошел суматранский носорог.

Однако вся нелепость внешности Серика тотчас забывалась, стоило тому раскрыть рот. Он обладал невероятно привлекательным голосом – глубоким и бархатным баритоном. К тому же Серику повезло родиться с качеством, о котором грезит любой мужчина в мире. Он был альфа-самцом. Лидером с позиции не силы, а воли. Он так гордился собой, что на его груди можно было испечь тандырную лепешку. Он абсолютно заслуженно занимал пост главы большой корпорации «Small». Подчиненные обожали Серика. Совет директоров, случись война, тотчас признал бы его полководцем.

Не менее знатным палководцем признавала Серика женская половина человечества. Это был мужчина, к которому тянуло не только в период овуляции. При этом ни возраст избранницы, ни разница в таковом с самим Сериком роли не играли.

– Ты так до мышей доберёшься, – пенял ему приятель, узнав, что Серика домогается пятнадцатилетняя школьница.

– Завидуй молча, – спокойно советовал ему герой-любовник, в кругу знакомых и друзей имевший прозвище «Червонец».

Надо сказать, что указанный псевдоним не имел ничего общего с материальными показателями жизни Серика. Доходы его были таковы, что на очень широкую ногу жили не только пять его жён, но и шестеро отпрысков, о которых Серику было известно. Между тем, успех его в делах амурных фактически никак не пересекался с финансовым. «Червонцем» его прозвали за размер детородного органа в сантиметрах. Серику удалось наголо разбить миф о том, что «если писюном не доделал, то колокольчиками не дозвонишь».

– Хотел бы я знать, что ты с бабами творишь, – дивился приятель, ибо девки разве только не ходили за Сериком с матрасом.

– Извини, братан, – хохотал в ответ Серик. – Я жёсткий натурал.

Список побед и завистников рос, подтверждая тезис о том, что размер имеет значение. Из уменьшительно-пренебрежительного «Десяточка» героя стали почтительно-увеличительно величать «Червонец».

* * * * *

– Свет мой, душа моя. Рядом с тобой Раневская нервно курит трубку! – ржал в мессенджере Митька Лозовский, эстетический хирург из Питера. Фаина Георгиевна переворачивалась в гробу. Но это не точно.

Со славным еврейским парнем, называвшим ее на славянский манер, Сауле познакомилась в соцсетях. Митьку, как и очень многих прочих, покорило ее чувство юмора. Сауле развлекала себя и публику публикациями, исполненными юмора и сарказма. Поначалу, увлекшись этим занятием, она заливала по двадцать постов в день, пока аудитория однажды не взмолилась, задыхаясь в едином порыве:

– Хватит, от смеха щёки лопаются!

Когда Сауле поделилась этой репликой с Митькой, тот, отсмеявшись, заверил:

– Зашью!

Митька Лозовский был родом из Севастополя и выпускником военно-медицинской академии. Стиль изложения Сауле выходец из приморского города считал достойным компании морских волков. Лучшего комплимента ей не сказал никто.

Их знакомство быстро переросло в симпатию. Еще быстрее уровень айнанэ в крови зашкалил, и Сауле чуть было не рванула в город на Неве на выходные. Но как раз с приступом аппендицита попала в больницу ее дорогая Оленька...

Сауле сидела, повернувшись к окну, но ничего не видела перед собой. В ресторане она специально выбрала стол на отшибе. Здесь сидели опоздавшие, либо те, кто был знаком с покойной не слишком близко, если не сказать грубее. Жрать пришли. Падальщики, мелькнуло в голове. Не будь это Оленька, за Сауле бы не заржавело произнести это вслух. Она раздраженно прикрыла глаза. Этот проклятый день никогда не закончится.

– Сауле, – донеслось откуда-то сверху. – Выйдем, покурим.

«И снова здравствуйте. Это опять Серик, которого надо помнить. Или хотя бы вспомнить. А у меня нет сил. Думать, вспоминать, курить...»

– Сауле, тебе плохо? – голос звучал встревожено.

Пришлось открывать глаза.

– Мне хорошо, мать твою. Мне так славно сегодня, – выплюнула она, с трудом сдерживаясь, чтобы не швырнуть в него миску с салатом. – Этот грёбаный день – настоящий цирк на Цветном бульваре, а люди в нем – цирковые лошади, хотя зря я обидела лошадей – она судорожно стиснула край скатерти, не глядя на Серика. – Оставь меня. Мне плохо. Очень плохо. С большой буквы П. Паралич. Ясно? Спасибо.

Серик уселся напротив и положил руки на стол. Она инстинктивно стиснула ладони между колен. Хотелось снова зарыдать – громко, в голос. И чтобы рядом был кто-то веселый, ироничный, галантный. И чтобы Оля была жива.

– Я только хотел поблагодарить тебя за слова, которые ты говорила на кладбище, – негромко сказал Серик. – Счастлив человек, внушивший к себе такое чувство.

Сауле подняла на него глаза. По ее лицу катились крупные слезы.

– Серик, – произнесла она, стараясь, чтобы не дрожал голос, – я очень хочу, чтобы все было как раньше.

– Я понимаю.

– Как раньше. Когда мы не были знакомы.

Сауле вышла из-за стола, попрощалась с Ольгиными родными и покинула ресторан.

* * * * *

Десять процентов. Чем хуже ситуация, тем ниже уровень заряда батареи – этот закон действительно существовал и работал. Ехать сразу домой Сауле не хотела. Она планировала прогуляться, подышать прохладным воздухом, в котором носился приличествующий 9 марта запах перегара. Но главное – она так хотела позвонить Митьке. Такой далекий и одновременно близкий, Лозовский неизменно поднимал настроение прибаутками и изящными комплиментами.

Сейчас бы видеозвонок, хоть так повидаться. Но тогда батарее хана за считанные минуты. Сауле выбрала на дисплее телефонную трубку. Митька ответил после второго гудка.

– Салем, Маке, – Сауле изменила бы самой себе, не ответив на его пассаж с переименованием в национальных традициях.

– Здравствуй, свет мой, – послышался знакомый басок.

– Привези уже мне, батюшка, чудище лесное для сексуальных утех, – в тон ему отозвалась Сауле.

Митька рассмеялся. У него было отменное чувство юмора. С некоторых пор данное обстоятельство Сауле особенно ценила.

Ей только что удалось развязаться с человеком, у которого способность понимать шутки и сарказм была атрофирована с рождения. В результате каждая вторая фраза из уст Сауле звучала как «Я шучу» либо «Это был сарказм». Однако упомянутый персонаж мастерски занимался сексом, а также владел редкой профессией: последнее обстоятельство сыграло не последнюю роль. Плюс мощная взаимная «химия».

Два взрослых человека попались как дробливые подростки. Но Вселенная любит равновесие. Насколько они идеально совпадали в постели, настолько были полярно разными во всем остальном на свете. Ангельского терпения Сауле хватило на три года, после чего она сказала себе: стоп, что ты делаешь? Шутки шутками, но он их не понимает.

Поэтому знакомство с Митькой стало ей наградой.

– Спасибо тебе, Маке, – выдохнула в динамик Сауле, чувствуя, что глаза вновь защипали слезы.

– За что? – удивился Митька.

– За твой смех, родной. Я всегда говорю: пусть лучше надо мной смеются, чем плачут.

– Что-то случилось? – тотчас забеспокоился он.

– Случилось, Мить, – две капли снова сбегали по щеке.

Сауле считала себя способной держать удары судьбы. Но столь нелепые – находились за гранью ее понимания. В такие моменты ей безумно хотелось стать маленькой и на ручки.

– Когда же вы, врачи, изобретете такое средство, которое будет спасать от неприятностей?

– Спиртное изобрели в начале седьмого века. Тебе ли не знать?

Сауле прыснула. Митька, ко всем своим недостаткам, был тот редкий мужик, который не порицал ее за пристрастие к коньяку. Вероятно, потому, что знал историю его происхождения. Пристрастия, а не коньяка.

Однажды в студеную зимнюю пору на профессиональном поприще Сауле случился аврал. Попёр на поприще такой объем работ, что она чувствовала себя как лошадь на свадьбе. Голова в цветах, зато задница в мыле. И приснился ей в одну из таких after-страдных ночей сон.

– Я умерла, – повествовала она Митьке. – Лежу, значит, в ящике, и будто бы вижу себя со стороны. Печалюсь, конечно. Молодая еще, пожить бы могла. И следующая мысль: зато выплусь!

В этом месте Сауле, которая много раз делилась этой историей устно и письменно, разражалась хохотом. Собственно, именно так все и было на самом деле.

– Вертикальный взлёт видел? Я подрываюсь на кровати и утыкаюсь лицом в подушку. Потому что ржу в голосину. Ну и вот, с той самой поры и был заведен ритуал немножко выпивать на сон грядущий, – резюмировала свои зловключения Сауле.

– Мозги расслаблять, – догадался умница Митька.

– Сплю как убитая. Меня даже пару раз обводили мелом.

– А просыпаешься? Не как убитая?

– Я свою норму знаю. Упала? Хватит.

– И голова утром не болит? – продолжал допытываться доктор Лозовский.

– У меня – не болит. Но сейчас она заболит у тебя. Потому что я укушу тебя за голову. Не бздите, доктор. Сказала же: я свою норму – знаю. Как перед смертью я пью только два раза в год – на профессиональный праздник и день рождения. Как тебе такой режим?

– Поскребёмся и лежим, – хмыкнул Митька.

Этот разговор у них состоялся пять лет назад. Обстоятельства к тому – и того пятнадцать. За оба срока Сауле так и не спилась, сколь ни пророчили враги...

– Кто-то обидел мою персидскую кошечку?

У Саулехи были длинные рыжие волосы. Не по-восточному тонкие, но зато густые, и из-за этого они казались пушистыми. Увидев ее впервые, когда они познакомились по видеосвязи, Митька сразу заявил, что она похожа на его персидскую кошку.

– Никто не обидел, – начала было Сауле, но осеклась. Серик этот пристал... То она его узнать должна, то вспомнить. Благодарность какую-то выдумал. Тут Остапа понесло. М-да. Это еще кто кого обидел, если в корень смотреть.

– Подруга погибла, – коротко бросила Сауле.

В трубке повисла пауза. Она по достоинству оценила это молчание. Выспрашивать подробности, жалеть, причитать – не таков был ее Митька. Сейчас он даст ей понять, что всегда готов подставить плечо. Пусть даже за тысячи километров. А потом скажет, как ей дальше жить.

– Цветуня, – заговорил он тоном, каким, должно быть, привык распоряжаться медсестрами в операционной. – Сейчас ты поедешь домой и ляжешь спать. Не пей сегодня больше ни глотка и не кури. Наглухо закрой все окна и шторы, чтобы было очень тихо и совсем темно. И ложись. Ты все поняла? – требовательно спросил Митька.

– Да, – отозвалась Сауле.

– Молодец. И больше не ной. Ной не ныл. И ты не ной, – продолжал Митька так, словно не случилось ничего необычного. Это окончательно привело Сауле в чувство.

– Целую тебя в лысину, – нежно сказала она на прощанье.

Внезапно рядом скрипнули шины.

– Садись, нам по пути, – сказал Серик.

Аллах решил, что мне недостаточно испытаний, решила Сауле. Она взглянула на телефон. Три процента. Случись что, ее не сразу и найдут.

* * * * *

Больше всего на свете Серик боялся реплики «Вспоминаю свой». Все началось с поездки на Бали.

Бравируя перед товарищем своим натурализмом, Серик, мягко говоря, грубо грешил против истины. Стремление и дать, и взять – и вашим, и нашим он ощутил с ранней (не читай вслух) юности. Если Серик и был озадачен фактом собственной бисексуальности, то длилось это не дольше, чем проходит с белых яблонь дым. Пуркуа бы и па, говорил он себе не однажды, любуясь тугим задом и мускулистыми ногами своего сверстника, и чаще даже – нет. У взрослых партнеров он перенимал богатый опыт, которым после щедро делился с более юными. Одним словом, многостаночник.

Впрочем, положила руку на сердце и не только, больше и чаще удовольствия Серика дарили всё-таки леди, а не джентльмены.

Свою уникальную сексуальность – а точнее, как затем показала жизнь, сексуальную уникальность – Серик не скрывал. Но и не афишировал. Пока не вмешался случай.

У него зазвонил телефон.

– Кто говорит? – спросил отец. Серика в тот исторический момент дома не оказалось.

– Это ты, мой сладкий рогалик? – вкрадчиво откликнулся вежливый мужской голос. У них с сыном были удивительно похожи голоса.

Родитель Серика служил в посольстве дипломатом. Поэтому теряться не привык.

– Нет, – бодро ответил он. – Это хозяин кондитерской.

У Серика было два сводных брата от равного же количества предыдущих браков отца. Жили они в разных районах города, а Серик жил в третьем. По этому поводу он однажды подумал: батя метит территорию.

Звонивший тотчас разъединился, оставив Серикова предка наедине с двумя главными классическими вопросами – кто виноват и что делать.

– Однако, – молвил производитель сладкой сдобы и уселся смотреть футбол. Но это не удавалось. Его преследовала мысль о том, что все игроки делают это друг с другом, а может быть, даже с арбитром.

Лучший способ узнать ответ – это задать вопрос. Отец Серика решил огорошить сына своей осведомленностью.

– Пидор, – многозначительно заметил он, когда вратарь любимой команды пропустил в ворота гол.

Старик пожарил себе яйца. Он сделал все, как обычно любил, но на этот раз омлет с помидорами и репчатым луком удовольствия не принес. Он вяло сунул в рот последний кусок, когда вернулся сын.

– Здорово, батя, – жизнерадостно воскликнул Серик. – Ужинаешь? А я вот рогаликов сладких купил к чаю...

Ключевое слово прозвучало как грохот канонады. Яйцо застряло в глотке.

– Рогаликов, говоришь?! – отец яростно покраснел и угрожающе выпалил: – Я всё знаю!

С момента первого подражания Петру Ильичу Чайковскому – заметьте, не в манере написания музыки, – Серик был готов к тому, что сколь веревочка не вейся, а шила в мешке не утаишь. Поэтому лица не потерял, а спокойно заметил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.